

Даже у самых что ни на есть народных сказок есть авторы. Но... сказки рассказываем из поколения в поколение, а вот об авторах знаем очень мало. Сказку про старика Хоттабыча сочинил замечательный писатель Лазарь Лагин. О нем сегодня рассказывает его дочь - театровед и журналист.

ХОТТАБЫЧ ВЕЧЕН, КАК СКАЗКА

И его автору - 100 лет

острых политических памфлетов, а также, быть может, самую драгоценную для отца крохотную «крокодиловскую» книжечку «Про злую мачеху и других» (это так называемые «Обидные сказки», над которыми отец работал еще с тех пор, когда трудился в газете «За индустриализацию», а потом заведовал экономическим отделом «Правды») - эти книги мало кому известны.

Ну а уж когда он стал заместителем главного редактора «Крокодила» Михаила Кольцова, то вкусил в полной мере и из-

«Хоттабыч» печатался одновременно в «Пионерской правде» и журнале «Пионер». Отдельным изданием он вышел в 1940 году, и эта первая редакция во многом отличается от второй. Она более современна, хотя в ней нет навязчивых политических («сталинских», как говорил отец) примет. Папа мечтал, чтобы «Хоттабыч» издавался только в первой редакции, но, увы, только после его ухода из жизни его верный друг Аркадий Стругацкий опубликовал в своем издательстве первоначальный вариант.

Сейчас я стараюсь издавать только первую редакцию, но мне далеко не всегда это удается, потому что при всем моем желании я не в состоянии отлавливать наглых издателей-«пиратов», которые бездогворно обманывают меня, а потому и читателя. Я теряю нервы и деньги, читатель - настоящую литературу. Признаюсь, что многочисленные вставки во вторую редакцию отнюдь не украсили эту чудесную сказку.

...Родился Лазарь Лагин в провинциальном белорусском городе Витебске, в многодетной и почти нищей семье. Отец (мой дед!) гонял поначалу плоты по Западной Двине, потом работал продавцом в скобяной лавочке, а старший сын между тем осваивал науки в четырехлетнем училище, давшем ему минимум образования. Потом семья переехала в Минск, откуда отец в 15-летнем возрасте отправился на Гражданскую войну и там, как это ни было странно ему самому, начал петь (обнаружился баритон!) и писать стихи. Однажды в их часть приехал выступать Маяковский и попросил, чтобы все солдаты, которые пытаются писать стихи, прочитали их. Прочитал и отец своего «Старшину». А на следующий день был немало удивлен, когда в другой части Маяковский восторженно прочитал его «Старшину» и сказал, что автор этих стихов обязательно придет в литературу. Так случилось, что они подружились. Папа даже печатался в «ЛЭФе», хотя и нечасто. За день до смерти Маяковского они встретились на Мясницкой (уже в Москве), где квартировал поэт, и Маяковский с укоризной сказал:

«Товарищ Лазарь, ну когда же вы принесете мне свои новые стихи?»

Отец ответил почти с вызовом:
«Так, как вы, Владимир Владимирович, не могу, а хуже не хочется...»

Позже папа очень внимательно следил за детским творчеством и старался отвечать на все многочисленные ребячьи письма. В одном из номеров «Пионерки» он прочитал стихи будущего детского писателя Анатолия Алексина, взял этого парнишку себе на заметку и следил за ним всю жизнь. Можно сейчас принимать творчество Алексина или не принимать, но писателем он был талантливым. Дружью они

были, что называется, не разлей вода. Вообще у отца был отличный вкус. Ведь именно он вынул из редакционной мусорной корзины повесть братьев Стругацких «Страна Багровых туч» (ему издательство прислало ее на «зарез»), а после едва ли не первым приветствовал по выходе «Эры милосердия» братьев Вайнеров. Как он тогда сказал: «...С приходом в литературу не только новых талантливых перьев, но и нового, принципиально нового типа положительного героя»...

Перебирая отцовский архив, я читала благодарственные письма Эренбурга и Светлова, Козачинского и Зоценко, многих других, кто высоко ценил редакторский талант писателя Лазаря Лагина. А еще он умел по-настоящему, самоотверженно дружить. С писателями - Юрием Олешей, Михаилом Светловым, Евгением Петровым, с писателем и летчиком-испытателем Марком Галлаем, с учеными-физиками Львом Ландау и Виталием Гинзбургом, с математиком Александром Гельфондом, с музыкантами - композиторами и исполнителями - Спаваковым, Кремером, Фельцманом, Ситковецким... Собственно, изначально это были мои друзья и ровесники, и дружба у нас всех вместе была настоящая и большая. Лазарь Лагин любил музыку. Страстно, до самозабвения. И самым большим счастьем для него было то, что и я, единственная дочь, выбрала себе музыкальную профессию.

Дети, которые окружали его на улице, в клубах, в книжных магазинах, мгновенно влюблялись в него, когда узнавали,

что он написал «того самого «Старика Хоттабыча»».

...Лазарь Лагин любил Бетховена и Малера, обожал Питера Брейгеля, Ван Гога и Рембрандта, очень ценил Рея Брэдбери, восхищался итальянским неореализмом, глубоко чтит классический драматический театр - Малый, БДТ. Но вот ведь как: совершенно не переносил балет, с трудом терпел оперы!

И еще у него было три страшных недостатка. Во-первых, чрезмерная доверчивость, во-вторых - патологическая лень и в третьих - страсть к сладкому. Последнее не сказалось на его внешности. Отец был красавец. И был очень хороший, славный, улыбочивый. И немислимо честный человек, которому нешибко везло с регалиями, да он за ними и не гнался. Отец говорил, что частью к таланту человека нужно судить не по наличию наград, а по отсутствию их. Он и не думал, что именно так получится с ним.

Впрочем, что это я? Судьба даровала ему величайшую награду - признание многих поколений. Любовь читателей, конца которой, наверное, не будет. Как нет конца у любви к народным песням, к сказкам, которые маленькая девочка, став мамой, рассказывает своим маленьким детям, а те, став родителями, не забывают веселые моменты детства. Такие, как знакомство с Хоттабычем. И со сказочником, который в добрый час придумал дивного неумирающего симпатягу, - замечательным писателем Лазарем Лагиным.

Наталья ЛАГИНА

Рассказывать об отце очень трудно. Особенно если отец придумал веселого джинна, которого вот уже больше шестидесяти лет любят и мал, и велик...

С чего начать? Пожалуй, с того, что мой отец никогда не считал себя детским писателем, хотя написал одну из самых популярных детских книг. Часто (это было огорчительно для отца, а потому стало огорчительно и для меня) спрашивали отца (и спрашивают сейчас меня): «Что еще ваш отец написал? Мы, кроме «Хоттабыча», «Шпионских страстей» и «Патента АВ», ничего не знаем...» Обидно до боли сердечной!

В течение всей жизни отец ни разу не видел своих книг на книжных прилавках. Однажды ему позвонили и сказали: «Езжай спешно к Книжной лавке писателя. Там твоего «Голубого человека» выбросили!..» Папа, человек уже очень нездоровый (у него болело сердце), разумеется, не мог бежать на Кузнецкий мост. Послал меня. Я рванула. Увы!.. Когда приехала на Кузнецкий, меня встретил последний счастливый обладатель книжки, которую, кстати сказать, папа любил больше других своих романов. Это был фантастический роман о молодом советском человеке, неожиданно попавшем в прошлое - в 90-е годы XIX века на Трехгорку - и понимающем: даже если знаешь, что борьба увенчается успехом, все равно надо участвовать в этой борьбе сейчас, задолго до победы. Герой книги был студентом-заочником исторического факультета МГУ и потому мог предвидеть, что, где, когда и как будет происходить...

Но «Голубого человека» нынешнее поколение все-таки знает. А вот «Остров Разочарования», «Трагический астероид» (мой любимый роман), сборник «Съеденный архипелаг», где помещено несколько очень

вестности, и беды, от которой его спас Александр Фадеев. Мама рассказывала трагическую историю о том, как буквально через день после расправы над Кольцовым за отцом по ночам приходили мрачные люди с ордером на арест. Но ордер был действителен только на тот день, на какой выписывался, а отец был в дальней командировке на Севере, где и писал, в частности, не только северные дневники, но и историю про веселого джинна Хоттабыча!

...Я не раз приставала к отцу с расспросами, как это он вдруг придумал такого джинна. Отец, иронично усмехаясь, говорил, что начитался сказок «Тысячи и одной ночи», потом его обужали фантазии, а позже ему попала в глаза какая-то древняя английская баллада «Медный кувшин». И, ничуть не повторяя прочитанного, отец вдруг понял, что ему ну совершенно необходимо написать про трогательного и в чем-то нелепого джинна, чудом попавшего нынче в нашу страну, где ему все непонятно.

МЕТРО: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

5 июня 1901 года потомственный дворянин Константин Васильевич Трубников и инженер Константин Иванович Гуцевич из Санкт-Петербурга прислали московским городским властям ходатайство о разрешении произвести им «техническое изыскание для разработки предположений о сооружении в черте города Москвы электрической дороги большой скорости по типу, называемому Metropolitan».

Специалисты сообщали, что, «обслуживая интересы местного товарного и пассажирского движения», дорога должна пройти по «кольцу Садовой улицы» подземными тоннелями, а в пределах Замоскворечья (где высота улиц над уровнем реки незначительна) - три версты над улицей, по особой воздушной галерее (виадукам). Дорога захватывала бы транспортное движение, соединяясь с линиями бравших начало в Москве российских железных дорог.

Длина метрокольца должна была составить 19 верст, а вместе с соединительными путями с другими дорогами - 26 верст.

Проектировщики обещали, что в тоннелях не будет ламп, дающих копоть, отсутствовал бы пар и дым, так как работали бы воздушные насосы, а по-

езда шли бы бесшумно плавным ходом по разрезным рельсам.

Трубников и Гуцевич предполагали применение в метрополитене двухколейной системы движения с целью «устранения всякой возможности происшествий и несчастий с поездами подземной дороги». Скорость движения поездов планировалось довести до 60-70 верст в час.

Стоимость этого грандиозного предприятия исчислялась почти в 50 миллионов рублей.

Предложения, схемы, планы, объяснительная записка инициаторов строительства Московского метрополитена обсуждались в Московской городской управе.

Из объяснительной записки было видно, что предприниматели, прежде чем заняться своим про-

ектом, долгое время изучали технику работ над подобными сооружениями и их эксплуатацию в больших городах Западной Европы и Америки.

Изыскания на улицах Москвы предполагалось провести в 6-10 месяцев за счет авторов проекта. Работы шли бы только ночью, в безопасные для передвижения часы.

Еще до начала этих изысканий на местности Константин Гуцевич (как следовало из его официального объяснения) «по независимым от него обстоятельствам» вышел из дела, оставив единственным собственником проекта К.В. Трубниковом.

Комиссия городской Думы ждала от Трубникова представления детальных проектов по практическим изысканиям на московских улицах и по исправлению после них мостовых и тротуаров.

Однако «полная неизвестность предмета» (так следовало из казенного документа) поставила комиссию «в невозможность предложить городской Думе ответить утвердительно» на ходатайство по этому проекту. Вместе с тем неубедительной оказалась и сама объяснительная записка о неотложности момента по сооружению московской дороги Metropolitan.

Проект двух Константинов был отложен. Но стал толчком для других подобных предложений.

Многие москвичи, узнав о будущих метродорогах, обрадовались тому, что смогут объезжать стороной наземные, дурного качества, мостовые. Они даже назвали новый вид удобного и недорогого транспорта вполне по-московски - подземный электрический трамвай. (В Москве слово «трамвай» очень любили, позднее его же привязали и к симпатичному речному прогулочному транспорту.)

Все перспективы сооружения в Москве метрополитена были очень заманчивы. Однако Дума, понимая важность сооружения и предстоящие затраты на то казны, не спешила с реализацией планов. А пока она «думала», страну захлестнули политические события. И москвичи смогли войти на платформы подземных дворцов лишь в 1935 году.

Татьяна БИРЮКОВА